

ЭРНСТ ЮНГЕР

ЭВМЕСВИЛЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Ю50

Серия «Эксклюзивная классика»

Ernst Jünger
EUMESWIL

Перевод с немецкого *А. Анваера*
под общей редакцией *Н. Федоровой*
Стихи в переводе *Н. Сидемон-Эристави*
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Юнгер, Эрнст.

Ю50 Эвмесвиль : [роман] / Эрнст Юнгер ; [перевод с немецкого А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 544 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-146353-3

Одно из знаковых произведений послевоенной Германии и лучший роман Эрнста Юнгера.

Историко-философская притча, для увлекательности чтения завуалированная под антиутопию.

Город-государство Эвмесвиль — один из последних оплотов порядка и законности на обломках уничтожившей себя человеческой цивилизации. В нем царит свобода нравов, население благоденствует. Оппозицию здесь предпочитают не карать, а прикармливать, а интеллигенцию в прямом смысле покупают при помощи материальных благ. За это ей приходится платить унижительной ролью «домашнего любимца», как герою-рассказчику романа историку Мартину Венатору, служащему в цитадели властителя Эвмесвиля Кондора. Но как бы ни было выгодно положение приближенного к правителю, рано или поздно придется сделать выбор...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Klett-Cotta - J.G. Cotta'sche Buchhandlung
Nachfolger GmbH, Stuttgart, 1977, 1980
© Ernst Jünger, Eumeswil. Sämtliche Werke (PB)
vol. 20, Klett-Cotta, Stuttgart 2015
© Перевод. А. Анваер, 2023
© Перевод, стихи. Н. Сидемон-Эристави, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-146353-3

УЧИТЕЛИ

1

Меня зовут Мануэль Венатор^{*}; я — ночной стюард касбы^{**} Эвмесвиля. Наружность у меня неброская; на спортивных состязаниях я, пожалуй, могу претендовать на третье место, да и особых проблем с женщинами у меня нет. Скоро мне исполнится тридцать; характер мой можно назвать приятным — собственно, к этому предрасполагает уже моя профессия. В политическом плане я благонадежен, хотя и без фанатизма.

Таковы краткие сведения о моей персоне. Они вполне искренни, хотя покуда неточны. В ходе рассказа я буду их уточнять, для начала же этого достаточно.

^{*} Venator — охотник, наблюдатель, исследователь (лат.).

^{**} К а с б а — цитадель, крепость (араб.). В арабских средневековых городах также замки, могли располагаться как внутри городских стен, так и за их пределами.

4 Уточнение неясностей, все более и более четкое очерчивание неопределенностей: именно в этом состоит задача любого развития, любого — более или менее длительного — напряжения сил. Вот почему с течением лет физиономии и характеры все отчетливее проступают. То же в равной степени касается и почерка.

Вначале скульптор подходит к каменной глыбе, к чистой материи, заключающей в себе любые возможности. Материя ответит на прикосновение резца; он может просто расколоть глыбу, но может и исторгнуть из нее воду жизни, освободить таящуюся в ней духовную силу. Обе возможности неопределенны и зыбки даже для самого мастера; они не вполне зависят от его воли.

Неточное, неопределенное даже в вымысле не грешит против истины. Утверждение может быть ошибочным, однако не должно быть неискренним. Утверждение — неточное, но не ложное — можно постепенно, слово за словом анализировать до тех пор, пока оно в итоге не станет ясным и отчетливым. Если же высказывание изначально было лживым, его придется подкреплять все новой и новой ложью, пока в конце концов не рухнет. Оттого-то я подозреваю, что и творение началось с обмана. Будь это просто ошибка, в ходе развития рай был бы восстановлен. Но старик засекретил древо жизни.

Отсюда и мой недуг — непоправимое 5
несовершенство не только творения, но
и собственной личности. С одной стороны, это
ведет к неприятию богов, а с другой — к яростной
самокритике. Возможно, здесь я впадаю в пре-
увеличение, однако, в любом случае слабеет воля
к действию.

Но не волнуйтесь — морально-теологический
трактат я писать не собираюсь.

2

Для начала надо уточнить, что, хотя моя фами-
лия на самом деле Венатор, зовут меня не Ману-
эль, а Мартин; именно таким именем, как выра-
жаются христиане, я был наречен при крещении.
У нас правом нарекать наделен отец; он называет
новорожденного и поднимает его над головой,
позволяя ему оглашать стены криком.

Мануэль же — прозвище или, если угодно, клич-
ка, полученная на время службы в касбе; ею меня
осчастливил Кондор. Кондор — мой патрон, ны-
нешний властелин Эвмесвиля. Своей резиденцией
он выбрал касбу, горную крепость, милях в двух от
города, которая венчает вершину лысого холма, с
незапамятных времен именуемого в народе Пагосом.

Такое взаиморасположение города и крепо-
сти встречается во множестве мест; оно удобно
не только для тирании, но и для любого режима
личной власти.

6 Свергнутые Кондором трибуны* украдкой держались в городе и управляли им из магистрата. «Там, где есть только одна рука, она действует сильнее, используя длинный рычаг; там, где командуют многие, необходимо брожение: оно пронизывает народ, как закваска хлеб». Так говаривал мой учитель Виго; о нем речь пойдет ниже.

Почему Кондор пожелал и тем самым повелел, чтобы я прозывался Мануэлем? Нравился ли ему иберийский звук этого имени или ему просто не понравилось имя Мартин? Сперва я только подозревал, но, оказывается, действительно существует отвращение или, по крайней мере, антипатия к определенным именам, которую мы зачастую не принимаем во внимание. Многие на всю жизнь награждают ребенка именем, соответствующим их сокровенным мечтам. К вам заходит гном и представляется Цезарем. Другие выбирают имя властителя, который как раз сейчас находится у руля; так, например, у нас теперь среди богатых и бедных уже есть маленькие Кондоры. А это может и навредить, особенно в такие времена, когда нарушен порядок наследования.

* Трибуны — во времена Римской республики должностные лица, избиравшиеся плебеями по трибам, своего рода избирательным округам (отсюда название). Обязанностью трибунов была защита плебеев от произвола патрициев.

ства — обращают внимание на гармонию имени и фамилии. «Шах фон Вутенов» — такое словосочетание напрягает и режет слух из-за фонетической несовместимости. Наоборот, «Эмилия Галотти», «Эжени Гранде» — легко и непринужденно парят в акустическом пространстве. Разумеется, в слове «Эжени» ударение надо ставить по-французски, на последний слог. Точно так же народ отшлифовал имя Эвмен — у нас оно звучит в названии Эвмесвиля.

Вот теперь мы подошли ближе к существу дела: к врожденной музыкальности Кондора, которой имя «Мартин» претит. Оно и понятно — скопление согласных в середине слова звучит жестко и царапает ухо. Ведь патрон имени — бог Марс.

Странно, конечно, наблюдать такие нежные чувства у правителя, захватившего власть силой оружия. Это противоречие я заметил только после длительного наблюдения, хотя оно тенью падает на каждого. Ведь каждый имеет как светлую, дневную, так и ночную сторону, и некоторые с наступлением сумерек становятся просто другими людьми. У Кондора это свойство выражено чрезвычайно сильно. Внешне он, конечно, остается прежним: закоренелый холостяк средних лет, слегка горбящийся при ходьбе, как человек смолоду привыкший сидеть в седле. Прежней остается и улыбка, очаровавшая очень многих, — благоклонная и обязывающая.

8 Однако чувственное восприятие меняется.

Дневная хищная птица, зоркий охотник, примечающий добычу издалека, превращается в ночного хищника; глаза отдыхают в темноте, слух резко обостряется. Будто перед глазами опускается пелена и раскрываются новые источники ощущений.

Кондор ценит зоркость; редкому соискателю, что носит очки, посчастливится у него. В особенности это касается командных постов в армии и в береговой охране. Претендента приглашают на собеседование, в ходе которого Кондор прощупывает его с головы до пят. Кабинет Кондора возвышается над плоской крышей касбы круглым вращающимся стеклянным куполом. Во время собеседования Кондор имеет обыкновение проверять зрение кандидата — указывает на какой-нибудь корабль или очень далекий парус и просит назвать тип судна и направление его движения. Конечно же, все соискатели загодя проходят тщательное обследование, но Кондор должен лично убедиться в правильности результатов.

С превращением дневной хищной птицы в ночную и расположенность к собакам сменяется расположенностью к кошкам — и тех, и других в касбе заботливо холят. По соображениям безопасности, пространство между замком и опоясывающей его стеной не засаживают растительностью — оно го-

лое и плоское — и рассматривают как зону 9
обстрела. Здесь мощные доги отдыхают
в тени бастионов или играют на просторе. Так как
псы легко становятся докучливыми, от площадки,
где останавливаются экипажи, ко входу в касбу
перекинут мост.

Когда мне приходится бывать в этой зоне,
я не захожу туда без дежурного служителя; меня
всегда изумляет беспечность в их отношении
к псам. У меня же к горлу подкатывает тошно-
та всякий раз, когда какой-нибудь пес тычется
в меня мордой или лижет мне руки. Во многом
эти животные куда умнее нас. Очевидно, они
чувют мое замешательство, которое легко может
перерасти в страх — вот тогда они бы точно на
меня набросились. Никому не ведомо, когда
прекращается игра. Это роднит псов с Кон-
дором.

Доги, темные тибетцы с желтыми мордами
и бровями, служат также и для охоты. Они радост-
но мчатся к месту сбора, услышав рано поутру
звук охотничьего рога. Их можно выпускать на
любого самого сильного противника; они атакуют
и льва, и носорога.

Впрочем, это не единственная свора. Вдали от
касбы, но видимый с высоты, на берегу распо-
лагается целый парк с конюшнями, каретными
сараями, вольерами, открытыми и крытыми мане-
жами. Там же находится и псарня с борзыми соба-
ками. Кондор обожает быструю верховую езду по

10 берегу моря в сопровождении миньонов* и своры палевых степных гончих, предназначенных для охоты на газелей. На бегу собаки напоминают гонщиков или ведущих мяч игроков, торжествующих здесь на арене: ум и характер принесены в жертву дикому порыву. У них узкие черепа и уплощенные лбы, мышцы нервно играют под кожей. Во время долгой охоты они загоняют свою жертву до смерти, неутомимые, будто у них внутри непрерывно раскручивается тугая спиральная пружина.

Порой газелям все же удается ускользнуть, если на них не натравливают соколов. С головы птицы снимают колпачок и подбрасывают ее в воздух; собаки, а за ними и верховые охотники устремляются вслед летящему соколу, ведущему их к добыче.

Охота на обширной, поросшей одним только ковылем равнине являет собой живописнейшее зрелище; мир становится проще, а напряжение растет. Это развлечение из самых лучших, какие Кондор предлагает своим гостям; он и сам от души наслаждается охотой, и, кажется, стих, рожденный на краю пустыни, сочинен специально для него:

* Миньон по-французски означает «фаворит», «любимчик», так называли молодых дворян в свите высокопоставленного аристократа или короля. Они использовались для оказания множества услуг — от охраны до участия в развлечениях.

Ловчий сокол, резвый пес да борзый аргмак
Дороже стоят двух десятков баб.

Само собой разумеется, искусство сокольников — лов, содержание и дрессировка соколов — находится в высочайшем почете. Кречетов и балабанов отлавливают с помощью особых сетей в дикой природе; других же, белоснежных птиц, доставляют издалека, с Крайнего Севера. Желтый Хан, самый высокопоставленный гость на охотах Кондора, ежегодно привозит их ему в подарок.

Подготовкой и обучением соколов охотничьему искусству занимаются на обширном участке берега Суса. Приречье реки — идеальное место для дрессировки. В пойменных лесах гнездятся несчетные водные птицы. На ловлю рыбы они слетаются на песчаных отмелях. Цапли лучше всего годятся для обучения соколов, предназначенных для охоты на пернатую дичь. И собаки здесь нужны другие: длинноухие спаниели, охотно входящие в воду; мех у них пятнисто-белый, что позволяет стрелкам легко видеть этих собак в камышовых зарослях.

Главного сокольничего зовут Рознер; по образованию зоолог, он обратил страстность своей природы на охоту. И сделал правильный выбор, ибо профессоров здесь сколько угодно, а этакий сокольничий — счастливая находка.

Рознер, между прочим, на самом деле профессор. Я часто вижу с ним в касбе и в его институте, а порой встречаю его на уединенных прогул-

12 ках по окрестностям. Однажды мне довелось сопровождать его — во время пролета сапсанов — в одну из засад. Степь там граничит с высоченными зарослями дрока, где и прятался ловец. Приманкой служил голубь на длинном поводке. Когда сокол приблизился, Рознер толкнул голубя, заставив его вспорхнуть. А как только сапсан схватил голубя, не составляло труда подтянуть обоих к кольцу, сквозь которое пропущен поводок, — оно служило спусковым механизмом ловчей сети.

Захватывающий процесс, образчик умной ловли. Здесь используются приемы, выходящие за пределы человеческих способностей, похожие на магию и волшебство. Например, голубь должен быть уже в воздухе, когда мимо пролетает сокол, но беда в том, что заранее увидеть сокола не способен даже самый зоркий человек. Соглядатаем для сокольника здесь выступает пестрая птичка величиной с дрозда, которую он держит рядом с голубем. С огромного расстояния она скорее угадывает, чем видит приближающегося сокола и оповещает об этом пронзительным криком.

Такая охота действует магически, потому что как бы оперяет весь окружающий мир. Словно зачарованные, охотники сливаются со своей добычей; проникаются ее хитростями. Не только темный птицелов, всю жизнь не знавший иного занятия, но и ученый орнитолог превращается

в Папагено*, отрешается от реальной жизни. Да что говорить, даже меня опалило жаркое и мощное дыхание этой страсти. 13

Тут надо заметить, что я не охотник, что, невзирая на имя, охота мне отвратительна. Может быть, все мы рождены рыбаками и птицеловами, и убивать — наше предназначение. Ну что ж, значит, я изменил этому призванию. Видя травлю цапель, я скорее на стороне жертвы, а не сокола, на нее нападающего. Каждый раз цапля пытается набрать высоту, но каждый раз сокол оказывается сверху, и все кончается тем, что от жертвы летят пух и перья.

Газель — самое изящное существо на свете; беременные женщины любят держать у себя газелей, их глаза восхваляют поэты. Я видел, как тускнеет взор в конце травли. Сокол бьет крыльями в пыли, псы шумно переводят дух. Охотники же с особой радостью убивают красоту.

Но не о глазах газелей идет сейчас речь, а о Кондоре и его дневном зрении. Кстати, мне придется участвовать в охоте, причем в разном качестве, но не охотником, а наблюдателем. Охота есть регалия, первое право владетельных князей; она — суть власти, и не только символическая, а еще и ритуальная, в силу пролитой и освещенной солнцем крови.

* Папагено — простодушный птицелов из оперы В. Моцарта «Волшебная флейта».

14 По долгу службы я больше участвую в ночной жизни Кондора. Ночью в его окружении можно видеть бледные лица в очках; зачастую это собрание напоминает свиное гнездо — профессора, литераторы, мастера бездоходных искусств, чистые эстеты, способствующие удовольствию. Острое зрение отдает здесь пальму первенства слуху. Намеки выражаются уже не в словах, а лишь в тоне или даже в мимике — говорят все тихо, и мне приходится напрягать слух. Обсуждают там другие, преимущественно художественные, темы, а об охоте говорят странными иносказаниями. Это надо видеть и наблюдать.

Помещение бара хорошо защищено от посторонних звуков; моя обязанность — обеспечить правильный настрой. Громкие и возбужденные разговоры неприятны Кондору и даже причиняют ему боль. Вот почему своим постоянным сотрапезникам и приближенным он дал прозвища, причем создающие между собой благозвучие. Например, Аттилу, лейб-медика, который находится при Кондоре практически неотлучно, называет «Альди». И если хочет напомнить мне о каких-то делах, касающихся Аттилы, говорит: «Эмануэло... Альди», что весьма благозвучно.

Когда меня, как и всех, кто близок к Кондору по долгу службы, представили ему, он первым делом подобрал мне имя: «Мануэль, Мануэло, Эмануэло» — смотря по обстоятельствам. Манера Кондора играть модуляциями голоса усили-

вает и углубляет воздействие его обращений. На публичном собрании «как» важнее «что», способ представления фактов сильнее самих фактов, каковые он способен не только изменять, но и творить. 15

«Добиваться благосклонности» — тоже искусство. Этот оборот, вероятно, придумал человек, ощутивший себя лисой в винограднике. Разумеется, когда соискатель попадает во власть, все меняется. Масса, как любовница, радостно признает своего господина, прежде впустив его в свою каморку.

Кондору я был представлен в служебном костюме — облегающей полотняной одежде в синюю полоску; костюм я менял каждый день, ибо белья под костюмом не носят. На ногах мавританские туфли из желтого сафьяна. Мягкие подошвы удобны и бесшумны, когда ядвигаюсь за стойкой, где нет ковра. Наконец, упомяну еще о забавной шапочке корабликом, которую надлежит лихо сдвигать набок. В целом нечто среднее между униформой и модным костюмом; главное, чтобы мой облик сочетал служебное рвение с беззаботной веселостью.

Во время церемонии Кондор снял с моей головы шапочку-пилотку, проверяя, аккуратна ли моя прическа. Потом он произнес мое имя, присовокупив какую-то игру слов, точная формулировка которой ускользнула из моей памяти. Смысл за-